

ДАНИИЛ КАСАП

ШУМИТЕ,

СИЖИЕ

БЕРЁЗЫ

РЕГРЕССИЯ
К СРЕД
ЗНАЧЕ

18

+

РОМАН

Даниил Касап

Шумите, синие берёзы

«Издательские решения»

Касап Д.

Шумите, синие берёзы / Д. Касап — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500693-6

В этой книге всё правда. Это очень искренняя книга, книга о дружбе и, конечно, о любви. Никогда не думал, что решусь написать историю из собственной жизни, всегда хотелось придумывать тексты о других людях, более достойных и интересных. Однако рискнул написать крошечный рассказ, который и перерос в большую книгу. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-500693-6

© Касап Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Шумите, синие берёзы

Даниил Касап

*«Я инженер на сотню рублей,
И больше я не получу.
Мне двадцать пять, и я до сих пор
Не знаю, чего хочу...»*

Аквариум « 25 к 10 »

© Даниил Касап, 2019

ISBN 978-5-0050-0693-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Я таращился на обклеенное скотчем окно с щемящим чувством одиночества, ощущавшимся в последнее время особенно остро. Погружённый в булькающую тишину своей крохотной квартиры, ничего, кроме жалости к себе я не испытывал, может быть, ещё капельку презрения. Белый квадрат окна нагонял тоску, я пообещал себе, что однажды обязательно перекрашу его в зелёный. Штор на окне не было с прошлой осени. Ирка сорвала их с карниза, чтобы укрыться. Та осень в точности, как и эта, была мокрой и ветреной, чуть ли не каждый день с неба что-то сыпалось, что-то мелкое белое и почти не тающее, как маленькие полистирольные икринки пенопласта, а раз в неделю, точно по расписанию, заряжал ливень, превращая скрипящие гранулы в комковатую жижу мутно-серого цвета. Шелушащиеся батареи с обогревом не справлялись, как не дотронься – еле тёплые. Вдобавок, кто-то из бывших жильцов вытащил внутреннее стекло с сохшейся рамы, а сквозь второе свистел ветер. Мы оклеивали окно скотчем каждый день, потому как от влаги скотч деревенел и отходил с кусками краски и комната мгновенно остужалась. Мы с моей ненаглядной только переехали, и у нас почти не было вещей. Укрывались простынёй, но однажды ночью Ирке стало жутко холодно, я мёртво спал, после какой-то очередной гулянки, вот она и стянула шторы с окна.

Теперь окно было совсем пустым, если не считать маленький горшочек на выцветшем подоконнике, в котором когда-то обитал кактус, а со временем осталась только сухая растрескавшаяся земля, усыпанная вялыми колючками. Кактусом занималась Ирка, – это был её питомец, – подарок толи от одноклассников, толи от кого-то ещё, кто знал, что она их коллекционирует. Дома у неё была целая мини оранжерея и они цвели: насыщенно-синие мясистые бутоны с множеством лепестков, как у пиона, или крошечные, пурпурные цветочки или вовсе какие-то красноватые наросты, мало похожие на цветы. Я долго их разглядывал, когда впервые оказался у неё в гостях.

Но этот кактус ни черта не цвёл, ни крупными цветами, ни мелкими, а когда Ирка от меня ушла, он завял.

Солнца в окне не было, только тучи, вернее одна туча, засосавшая в себя остальные, слившаяся с ними. Такая здоровая, пышная и наглая, как моя нянечка из детского сада. Я решил прозвать тучу Марта Робертовна. Я подумал, что на улице опять холодрыга и подтянул к подбородку тяжёлую, давно не стираную штору. После того, как Ирка придумала ею укрываться, я решил, что одеяло покупать незачем. К тому, же глупо иметь одеяло не имея даже дивана, не так ли?

Вообще после ухода Ирки квартира никак не изменилась, разве что появился крошечный бородатый телевизор на кухне, – Вова Миронов притащил пару недель назад. Завалился в воскресенье с большущей коробкой, перетянутой скотчем.

В комнате его поставить было негде, из мебели только стул, так что мы установили телек на кухне, водрузили на хорошо сохранившийся «Саратов», 451-ой модели. Похожая на камбалу старушонка, сдавшая нам с Иркой эту халупу, долго расхваливала холодильник, который наверняка был немногим моложе её, и строго-настрого запретила снимать с дверцы дурацкие магнитики, которые она находила прелестными. Говорила, подрагивая правой ноздрёй, из которой у неё торчал седой волос: «Магниты муж ещё цеплял... прелестные. Теперь таких не делают! Не снимайте!»

Телевизор показывал четыре канала, правда ужасно показывал: нужна была антенна.

Окно тоже показывало плохо. Только серое небо и угол ещё более серой панельной пятиэтажки с унылыми окнами. Мне безумно не хотелось встать и тащиться на маршрутке к Бабуину.

Бабуин – мой давний друг. Он мечтал стать властелином мира. У меня мечта не менее скромная – я хотел быть великим поэтом, а великий поэт, в какой-то степени тоже властелин мира.

Я предполагал, что он нашёл нам какую-то подработку, мне работа очень была нужна, ко всему прочему, у Бабуина можно было позавтракать. У меня-то из съедобного было только пиво и залежавшиеся шпроты, а тётка Бабуина делала чудесные омлеты. Так, что я поборол лень.

Они жили только вдвоём, не считая кота. Тётя Аня стала опекуном Бабуина после автокатастрофы, в которой погибли его родители. Они разбились в марте 2006-го, возвращались в Москву из Серпухова и какой-то убудок на «Ниве» вылетел на встречу. Погибли мгновенно, выжить там было невозможно, машину сплющило. Водителя «Нивы» раскидало по салону, пытались собрать, он ещё дышал когда его грузили в скорую, но не доехал до больницы.

Мы с Бабуином в тот день в школе были. Помню, две биологии отменили, деректриса наша Мария Олеговна, – Марля в очередной раз сказала, что биологичка заболела. Так всегда говорили, но на самом деле биологичка периодически уходила в запой, хрен знает, почему её ещё держали в школе. Вместо биологии поставили историю, я историю всегда любил, но в седьмом классе интерес к учёбе пропал, так что мы с Бабуином бездельничали на задней парте. Историчка что-то бормотала у доски, нацепив толстенные очки, у неё, знаете ли, была любовь ко всяким графикам и схемам, в которых никто не понимал. Она изрисовывала ими всю доску, рисовала скверно, вместо прямоугольника, у неё выходил овал, так что все её схемы, таблицы и графики больше напоминали рисунки пустыни Наска, нежели то, чем являлись.

Под конец урока Марля опять зашла и куда-то увела Бабуина. Я только через три дня узнал, что случилось, а с Бабуином увиделся снова после летних каникул. Он жил у тёти Ани в Туле, но она решила, что ему не стоит менять школу и тогда в Москву переехала.

Тётя Аня была женщиной доброй и сильной, но жутко нервничала, переживала из-за всякой ерунды, – жизнь у неё была чертовски тяжёлой, горя было много, так что нервы полетели. Бабуин говорил, что её единственный сын Мишка утонул в озере, когда ещё совсем малым был. Отец вроде как взял его на рыбалку и не уследил, выпивал с товарищами у старого причала, а когда спохватился, поздно было.

Ребятня вокруг сновала заплаканная и напуганная, как будто дьявола увидела.

Лишь спустя сутки тело нашли. Дядя Петя себе простить не мог, да и родственники все, включая тётю Аню его вину, говорили, что всё из-за проклятой пьянки. Он повесился в гараже через неделю после похорон сына.

А потом ещё эта автокатастрофа, смерть младшей сестры, зятя...

Не мудрено после всех этих трагедий стать нервной и раздражаться от пустяков. Бабуина она много лет не отпускала купаться, ни на море, ни на речку, ни на озеро, даже в бассейн не отпускала. Ему приходилось обманывать, говорить, что в гости или ещё куда-то идёт.

Мне её всегда было жаль и Бабуина тоже, не знаю, чтобы со мной стало, если бы с моими родителями...

В общем, если бог есть, то он чертовски несправедлив.

Я сел на матрасе, поглаживая ногой холодный пол. Помню, одна деваха, подруга, толи Бабуина, толи Вовы Миронова, сказала как то, что узор на линолеуме напоминает ей Кандинского. Вероятно, она много выпила тогда вина, а может быть, пол и вправду был в стиле супрематизма? Та деваха была дизайнером, училась на дизайнера, а у всех дизайнеров странности.

Мне линолеум просто казался необычным, но ничего не напоминал.

В окно больше не смотрел, иначе Марта Робертовна своим траурным видом окончательно отбила бы у меня желание вставать. Мигом поднялся, натянул джинсы, свитер. Свитер у меня

старый, но тёплый, связанный мамой. Немного растянутый, я в нём ещё в институт ходил, и мы с Ирккой в нём прятались и целовались. Она на год меня младше.

Вдоль стены рядами выстроены разнообразные пустые бутылки: в основном из-под пива, но была тара и подороже. Мирон иногда заходил с текилой или вискарём, как настоящий бонвиван. Последний его визит помню смутно, он явился весёлый и разгоряченный, влетел в дверь, словно камень из пращи, с контрабандной бутылкой какой-то заморской чудо-жидкости. Я не прочитал этикетку сразу, а когда бутылка оказалась наполовину пуста, ничего не смог разобрать. У нас оставалось порядочно, когда Мирон вдруг убежал, так же неожиданно, как и появился. Я допил остатки сам, пестовал и ласкал чудную бутылку, как младенца, а потом она вдруг куда-то запропастилась. Ума не прилажу куда. Я, конечно, не бирофил или как там называют собирателей бутылок, но та склянка однозначно была бы винцом моей бутылочной коллекции.

Окончательно проснувшись, я не боялся подходить к окну и глядеть на мерзкую погоду. Облокотившись на подоконник и упёршись лбом в стекло, поглядел вниз. Асфальт был мокрым в лужах. Дети катались на велосипедах, трое мальчишек нарезали круги вокруг маленькой толстой девочки, забравшейся в своих красных резиновых сапожках на середину серой лужи и весело хлопающей в ладоши. Это была дочка Нинки с первого этажа.

Было время, я думал, что она моя дочка. Я тогда на втором курсе учился, с Ирккой ещё не встречался, комнату снимал здесь же, но на втором этаже, района этого не знал и вечером вышел осмотреться, изучить окрестности. Бабуин тогда был в Туле с тётей Аней, а Мирон со своей очередной подругой где-то пропадал.

Я погулял немного, забрел в небольшой грязный сквер, где как раз вроде бы траву стригли, но как-то неаккуратно, большие участки пропускали и вокруг деревьев не трогали. Всё было сплошь в собачьем дерьме, скамейки пустые, в общем, ловить там было нечего.

Прихожу обратно, на крыльце какая-то деваха курит в халате.

– Недавно въехал? – спросила.

– Недавно, – ответил.

– Скучно?

– Скучно.

– Идём.

Короче уложила она меня. Ей было двадцать семь, она знала толк в «укладывании». Ещё два раза ко мне приходила. А потом я вернулся к родителям, жил почти год у них и встретил Нинку только, когда с Ирккой комнату снял на третьем у сумасшедшей бабульки. Нинка с дочкой гуляла, не курила совсем. Я думал, от меня залетела, но, оказалось, от какого-то блондина с пидорским хвостиком на затылке, у которого она в автосервисе бухгалтером работала.

Нинка с ним не жила и потому к ней иногда хаживали, то гориллоподобный тип с волосяной спиной и большими ноздрями, в которых можно ковыряться всей ладонью, то гопник в зауженных трениках, не знавший о существовании наушников или считавший, что обязан делиться творчеством Успенской и Новикова с общественностью. Он держал орущий телефон в корявой руке и притоптывал ногой, даже, когда курил.

Иногда к ней подолгу никто не ходил, и она пыталась завлечь меня, но безрезультатно. Я любил Ирку! К тому же Нинка утратила свою привлекательность, растрепала её со всеми этими гориллоподобными гопниками, отрастила зад и мягкий живот и смотрела на всех рыбьими глазами, так что на неё мог обратить внимание только очень голодный мужик.

Ирка была хорошей хозяйкой, всегда убиралась в комнате и готовила прелестные салаты. Иногда, правда, она зачитывалась какой-то новой книжкой – подгоном от друзей-филологов, Кастанедой или Борхесом, или ещё кем-то заумным, чью фамилию обычный человек не запомнит. Трумена Капоте любила, меня уговаривала его читать, но я не читаю заднеприводную литературу. Когда зачитывалась, обо всём забывала, поглощала текст с бешеной скоростью,

переворачивала страницы одну за другой и быстро водила пальчиком по строчкам, никто не существовал для неё в такое время, кроме героев книги и их проблем.

Когда мы расстались, наступил полный хаос. На кухне тоже собралась тьма бутылок, но они не были выстроены, как в комнате, стройными шеренгами, точно бравые солдаты, недаром зелёные – они были повсюду, на всех горизонтальных поверхностях. Бутылки напоминали сонмище крепко пахнущих пьяниц, лежащих, стоящих, лезущих куда-то, катающихся по полу. А кроме бутылок, куча всякого другого мусора.

Нашёл откусанный кусок пиццы в коробке, – прилип к пальцам. Поднял над головой, чтобы посмотреть на корж снизу и чтоб при этом грибы не свалились, корж немного позеленел, и к нему пристали кусочки размякшего картона. Есть это, я не рискнул, – выпил воды из-под крана.

Не знаю, откуда взялась привычка запираеть дверь на два замка, воровать нечего, а всё равно запираю, проворачивая ключ, строго два раза. Есть те, кто и шторы стащит. Мою штору, синюю в турецких огурцах, грязную, ещё сладко пахнущую Ирккой.

Вне квартиры холодно и неуютно.

– Здравсте, – сказал я, вдыхая запах пыли на лестнице.

– Здравова! – ответил сосед дядя Федя, выпустив сигаретный дым в форточку на лестничной площадке. На нем были растянутая майка и красные шорты. У кроссовок Reebok затоптаны пятки. Я бы давно в таком виде окоченел.

Он жил этажом ниже с женой, общих детей у них не было, но у дяди Феди был сын от первого брака, с которым он виделся только по праздникам. Когда дядя Федя выпивал и с банкой пива в руке поднимался на площадку покурить, а я возвращался домой или уходил, он обязательно меня останавливал и начинал что-нибудь рассказывать.

Но, трезвый, он немногословен.

Он пожал мне руку. У дяди Феди рука огромная, как сковородка и грязная, нет, она вымытая, но всё равно грязная, чёрная. Он работал в автобусном парке и его руки вечно в мазуте.

– Как дела? – спросил я.

Он отмахнулся и затянулся. Под мышками у него длинные чёрные волосы, странно ровные, словно бы он их расчесывает или выравнивает плойкой. Вспомнил детство и отца.

Спросил как-то отца:

– Папа, почему тебя волосы боятся?

– Боятся? – в недоумении переспросил отец, погладив свою голову, на которой давно блестела круглая плешь, как у католических монахов. – Мои волосы? Боятся?

– Ну да, – не отставал я. – Твои волосы спустились с головы и прячутся под мышками.

Вот и дяди Федины волосы его тоже боялись и прятались под мышками.

Улыбнулся в душе, вспомнив себя маленького и отца.

Сосед угрюмый.

– Дебилизм по телеку! – брюзгливо сказал Дядя Федя. Зубы у него кривые, жёлтые, прожженные, с черными точками, как костяшки домино. – В коем веке выходной... телек решил посмотреть, а там одни уроды, голубые.

– Ящик это зло! – сказал я спускаясь.

– Кабельное надо подключить, – вздохнул он. – Порнушные каналы даже есть. А то мудофоны одни вокруг и мудилоиды.

Дядя Федя любил уснастить речь словами собственного сочинения.

Близняшки Люба и Вера жили с мамой на первом в конце коридора. Им было по пятнадцать, и они втихаря курили на пятом, куда их тшедушная мама никогда не поднималась, она и на второй поднималась редко из-за протеза правой ноги, к которому никак не могла привыкнуть и всегда сильно хромала и охала. Были времена, когда она вообще не выходила из квар-

тиры и целыми днями лежала, мучаясь от фантомных болей. Протез был отстёгнут, и валялся на полу, а в туалет или на кухню она добиралась с помощью костыля. В такие дни её дочери, насколько на неё не похожие старались дома не появляться и после школы шлялись по городу. Обе ростом выше меня на полголовы, всегда распущенные чёрные кучеряшки, по общаге расхаживали в ярких маечках и чертовски коротких шортах, только на половину прикрывающих их белые попки. Даже зимой они в таком виде бегали курить на пятый, могли разве что накинуть сверху какие-то кофты, но не застёгивали.

Они продефилировали мимо меня и зашли к себе в квартиру, та, что заходила последней, улыбнулась.

Никогда не дал бы им пятнадцать лет, выглядят на двадцать. Даже дядя Федя, называвший их малолетними шлюхами, говорил, что сиськи у них выросли быстрее, чем мозги. Я считаю, что это не так уж плохо.

Я курил с ними однажды, у меня закончились сигареты, думал зайти к дяде Феде, но потом услышал щебетание наверху и поднялся. Они курили на общем балконе: одна в потёртом кресле, закинув длинные ноги на подлокотник; другая у облупленных перил и её белые ляжки серебрились на холодном солнце. Они угостили меня тонкой сигаретой, и мы о чём-то болтали. Я чувствовал себя неловко, слова не лезли, я только разглядывал их, пользуясь моментом. Ажурные трусики той, что сидела, выглядывали из-под шортиков, острые соски рвали майку. Потом пристыжал себя, вспоминая их возраст, и отводил взгляд, а они хихикали и ещё больше оголялись, оттягивали маечки или задирали ноги.

Я спешил уйти.

Однажды уже после того, как от меня ушла Ирка и после того, как я отрезвел, встретил у подъезда их маму. Она уезжала куда-то на такси и попросила меня посмотреть их дверь, – ключ застрял в замке. Девки пытались вытащить ключ, но у них не выходило, а у меня вышло.

В тот день я сильно пожалел, что им пятнадцать.

Люба и Вера, – авторы большинства надписей в подъезде. Они пишут на стенах тексты песен, в основном Земфиры или какие-нибудь цитаты из ВК. Чёрт знает, зачем им это нужно, нечем девкам заняться.

Я всегда промахиваюсь, нажимая в темноте на кнопку домофона, горит красной точкой, а всё равно промахиваюсь. Попадаю в окаменевшую жвачку или в чью-то подсохшую соплю. Такое ощущение, что кнопка передвигается, не даёт, чтобы на неё нажали. Если подсветить телефоном, то можно увидеть кучу надписей сделанных ручкой вокруг кнопки и на двери. «Нажми и миру придёт конец», или «Нажми на кнопку, – получишь результат!» В общаге юмористов хватает, высмаркиваются, и обязательно оставляют автограф под висящей соплей. Помню, кто-то нассал на третьем этаже на стену, высоко так, до середины почти облил, а рядом надпись пояснительная и стрелка: «А цены всё равно выше». Или видел, использованный презерватив, прилепленный жвачкой к стене, а под ним надпись: «Заберите домой, в нём ведь живые существа». Общага, как музей. Глядя на то, что иногда называют предметом высокого современного искусства, я не удивлюсь, если и эти «творения», иногда очень даже остроумно подписанные, признают шедеврами.

На улице постоял несколько минут, привыкал к свету. Солнца не было, оно пряталось где-то за широким задом Марты Робертовны, но с неба всё равно лился какой-то свет, холодный, почти зимний.

Дочка Нины с первого этажа по-прежнему стояла на том же месте в сапожках, рядом другая девочка, высокая, тощая, слегка сутулая, в белой шапке и очках. Показывала подружке свои криво накрашенные ноготки.

Нинкина дочка мне помахала, я нет. Она называла меня Данькой.

Её тощая подружка демонстрировала свои ногти уже мальчишкам, потом к ней обратилась какая-то старушка, которую я в общаге никогда не видел.

– Анечка, – тихо позвала старуха. – Почему вы не в школе?

Старушка говорила так, как будто голос её садился, первое слово в предложении произносилось громко, а последующие всё тише и тише, пока не сходили на нет, словно она крутила невидимую ручку громкости, заставляя собеседника затихать и прислушиваться.

Анечка отпрыгнула от мальчиков и поскакала к Нинкиной дочке, на ходу отвечая:

– Школу закрыли на карантин, – голос радостный.

Посмотрел на здание общежития с бульвара, сквозь полуосыпавшиеся деревья с узловатыми ветвями и порванную местами сетку, огораживающую баскетбольную площадку. Стены красные, кирпичные, почти ржавые в тон листьям, окна тёмные, как глазницы черепа, на первом этаже забраны уродливыми заржавевшими решётки. Вокруг общаги какие-то будки и ларьки, лужи растаявшего первого снежка.

Общага при совке принадлежала фабрике какой-то, я точно и не помню. Потом Совок рухнул и фабрика тоже, а люди так и остались здесь жить. Кто-то сумел уехать и продать комнату, кто-то сдавал, остальные жили с детьми, собаками, кошками и попугайчиками. Имелись и нежилые квартиры, особенно на последнем этаже, где из-за дырявой крыши текли потолки.

По большому счёту это общежитие общежитием уже не являлось, квартиры были приватизированы и владельцы могли делать с ними, что пожелают. Старушка, сдавшая нам с Ирккой комнату, немного рассказывала об истории общежития и сказала, что теперь этот кирпичный дом с двумя подъездами называют общагой только по привычке. Она говорила, что пару лет назад ходили слухи о переселении жильцов в нормальные дома, но слухи так и остались слухами.

Жилые дома поблизости с общагой тоже не внушали доверия, – слишком мрачные и тихие. Всё виделось в желтоватом нездоровом цвете, даже воздух был цвета хны. Казалось, будто на небе что-то сильно проржавело и намокло, начало подгнивать и на город непрерывно лились потоки грязной воды, ржавчина просачивалась сквозь облака, покрывая их чудовищным мутно-жёлтым налётом.

Зашагал к остановке по ржавому асфальту.

Водителю дал помятую сотку, получил сдачу влажными монетками, измусоленными в его ладони и сел в самом конце у окна. Люблю смотреть в окно. Старухи рассаживаются всегда впереди, а в конец проходят нормальные люди. Я всегда сажусь в конце, чтобы никто не дёргал, дико не люблю, когда через меня передают за проезд, высыплют в ладони горсть мелочи или суют косяк и потом ждут сдачу.

Зашли две девушки. Одна в юбке и чулках, короткое бежевое пальтишко, без косметики, – как я люблю. Вторая брюнетка в джинсах и пуховике, нос картошкой, губы пухлые, лоснящиеся от гигиенической помады, такие хочется целовать. Садятся напротив меня. Окно отменяется, смотрю на ту, что с губами, смотрю пристально.

Маршрутка трогает, как всегда резко и жёстко. На скрипучем сидении за водителем недовольно вздыхает старуха в вязаной шляпке и принимается бубнить себе под мясистый сизый нос. Сидел бы рядом с ней я, а не тот замороженный мужик в батнике, она начала бы мне сетовать, на водителя, дороговизну проезда, на погоду, внуков и ещё чёрт знает на что. Так всегда происходило. Лицо что ли у меня такое приветливое, что всем непременно хочется мне на что-то пожаловаться?

Людей в газели всего пять человек, три сидения свободны.

Вот если бы никого кроме меня и этой губастой не было, я бы подсел к ней. Такие губы и с ума могут свести.

Она заметила, что я смотрю на неё, бросила на меня стремительный взгляд и тут же отвернулась, по-летнему улыбаясь. Красивая у неё улыбка. Она вся красивая.

Зашла женщина с вздутыми тяжёлыми пакетами, заняла пустое место. Снова резкий старт. Водитель не русский, иногда бормотал что-то нечленораздельное.

Губастая смотрела в телефон в руках подруги. Я смотрел на неё. Всю дорогу на неё смотрел, но она больше ни разу ко мне не повернулась. При выходе только наши взгляды встретились на мгновение, и она опять отвела глаза. Подруга у неё тоже ничего, но губы у неё другие, не такие.

Только согревшись, вышел на улицу. Сентябрь, а как будто конец декабря. Зевнул. Рот наполнился выхлопом, тошнить начало, ощущение словно нефть выпил, горько, не вкусно. Отступил подальше от дороги. Дышал.

За треугольной ёлкой стоял Руслан, заметил его ни сразу, только после того, как толпу людей всосала квадратная дверь автобуса. Он тоже меня заметил, улыбнулся. Откашлявшись, я подошёл. Не то, чтобы мы были друзьями, так приятелями, я б не подошёл вообще, но это как-то не вежливо.

– О, Данилище! – поприветствовал он, переложив сигарету из правой руки в левую. Он всегда странно курил, делал всего несколько затяжек, а остальное время сигарета тлела. Он держал её большим и указательным пальцами.

– Куда в такую рань? – спросил Руслан. Рот у него маленький, ровный. От нижней губы к окончанию подбородка тянется полоска тёмных волос. Бабуин называл это интимной стрижкой, – такой вот у него юмор. Раньше у Руса была козлиная бородка, и череп был гладким, как яйцо, как очищенный лук. А теперь волосы в хвост собирал на затылке и вечно экспериментировал с бородой. Было как-то усы оставлял.

– К обезьяне иду, – ответил я.

– К Бабуину что ли? К соседу моему?

– Ага, к нему. У него дело какое-то, – изо рта у меня валил пар.

– Да, как обычно, – ухмыльнулся Руслан. – Не с кем ему поговорить, я его видел неделю назад, с работы турнули. Нажрался вроде как, – ухмылялся пуще прежнего.

Терпеть не могу его ухмылку. Иногда хочется заехать грязным конверсом по роже, растоптать мерзкую бородёнку. Стереть ухмылку, вообще рот ему поломать. Нет, конечно, с одной стороны я Руса уважаю, он нас с Бабуином старше всего на пять лет, а уже главный инженер на каком-то грёбанном заводе. Жена у него есть и детей двое.

Жизнь, что называется, удалась, вот он ходит, ухмыляется над нами люмпенами и неудачниками.

Настроение у меня испортилось, не хотелось с этим типом больше говорить. Голова только о губах думала.

– Ему что-то получше предложили, – соврал я. – Он на радостях нажрался.

– Ясно, – пренебрежительно сказал он. – А ты как? Работаешь где?

И нахера ему это знать?

– Нет, зачем? Дети рок-н-ролла не работают! – сказал. – Я нашёл вечный источник дохода.

– И какой же?

– Нет, не скажу, ты тоже тогда работу бросишь, – отмахнулся. – Рад был видеть, – снова соврал я. – Надо идти.

Вообще-то работа у меня была, не постоянная, но была. На последнем курсе института, учился я в Инженерно-строительном, препод, после распитой бутылки коньяка в аудитории, пристроил меня в одну крохотную строительную компанию практиковаться и вот с тех пор я иногда участвовал в некоторых проектах. Сам препод в девяностые был ректором и вместе с какими-то предприимчивыми людьми занялся бизнесом, фирму открыл, а потом, его понизили до заведующего кафедрой.

Руку Русу не пожал, повернулся и ушёл, спустился во дворы.

Прошёл мимо шаурмяшной, усатый таджик, протирал стёкла. На спине его куртки было написано: «Люблю Россию».

Я тоже люблю, – подумал.

К шаурмяшной жался старый магазинчик из выцветшего пластика, с едва различимой надписью над дверью «ПРОДУКТЫ». Магазинчик и шаурмяшная, работающие здесь уже лет двадцать, смотрелись абсолютными анахронизмами на фоне соседних стеклянных бутиков и новенького дорожущего супермаркета со светящейся вывеской над дверью.

Пахло вкусно, мясом и тестом. У меня засосало под ложечкой, ускорил шаг. Думал, не дай бог не успею к Бабуину на завтрак.

У него в доме лифт, чистый лифт, хоть и старый. Поднялся на последний этаж, – двадцатый. Ехал долго, словно до самого рая, но двери открылись не в прекраснейшие солнечные кущи, а в пыльную полутьму. Коридор длинный, как шахта. В конце небольшое окно, но света мало, какую-то часть пути приходится идти в потёмках. Главное не врезаться в трёхколёсный велосипед. Или, если правильнее, – двух с половиной колёсный: вместо третьего колеса, привинчено крошечное колёсико от детской коляски. Обычно этот недовелосипед стоял у окна, и когда достигаешь середины коридора, замираешь в полумраке: рама, перевязанная проволокой и лентами, кривая и сторбленная, напоминает скелет какого-нибудь небольшого существа. Смотришь, пытаешься мысленно нарастить на эти слабые, недоразвитые кости плоть, обтянуть шкуркой, или даже перьями, представить, как оно будет двигаться.

Бабуин говорил, что сосед его, – одинокий интеллигентный старик, купил велосипед для ребятни, чтобы все катались. На улицу выносить видимо некому или надоело каждый день, вот прямо по коридору и гоняют, поднимая пыль.

На месте его постоянной парковки – у окна – велосипеда не оказалось, значит, бросили у какой-то стены или посреди прохода. Шагал аккуратно. Пахло мокрой собакой. Заметил велосипед под железной дверью, руль вывернут, спиц на колёсах почти нет.

Малолетние вандалы!

Велосипед или детская площадка, – всё обязательно ломают, раскурочат, растопчут, вырвут и унесут. Потому, что общее, а значит, – ничьё, значит, – никто ругать не будет, значит, – новое построят, если сломается.

Не может что-либо никому не принадлежать, никак не может, не привык наш человек к такому, так и не привык, хотя было время.

Ловлю себя на том, что думаю, как отец.

Два раза нажимаю на кнопку звонка. Через полминуты шарканье – Бабуин.

Дверь распахнулась резко, словно её пнули. На меня хлынул оранжевый свет, прошёл сквозь меня и остановился, упёршись в стену чуть левее.

Бабуин в трусах и в тапках со стёртыми до дыр подошвами, стоял в двери. Сонно смотрел в ничто. Я смотрел на татуировку на его выбритой левой груди. Два дня назад виделись, татуировки не было. Недавно набил, кожа красная, раздражённая, – бил на дому.

– Что за хрень? – спросил я.

– Бля, ты чё реально не знаешь, что это? – видимо он ожидал от меня другой реакции.

– Нет, – сказал я просто и прошёл мимо него в квартиру.

– Это же калядник, – он закрыл дверь, долго чесал голову, потом перешёл к паху. – Языческий символ.

– И нахера он тебе?

Я разулся, кеды впихнул на полку между кроссовок Бабуина. Чувствовал запах пота и грязи. Среди кроссовок скомканные носки, как шкурки крыс. Пальто повесил на гигантский лосинный рок, прибитый к стене над обувной полкой. Шапку почти никогда не одевал, она в кармане. Убедился ещё раз, что рог прибит высоко: головой не достал, а Бабуин и подавно, он на голову ниже меня, но гораздо шире.

– Ты язычником заделался? – спросил, выискивая глазами тапки.

– Ага, – кивнул он, показывая на тётки Анины тапки. – Язычество – единственная правильная вера! Это наши корни! Надо их помнить и чтить. Всё остальное ложное, чужое, навязали это нам, навешали...

– Сам знаю, – фыркнул я. – Православие, – византийская религия. Но у нас-то прижилась, попробуй искорени.

Натянул на ноги тапочки, пятки остались на улице.

– Можно искоренить, – он пытался делать серьёзный вид, но глаза его оставались сонными. – Церкви сжечь! Попов убить!

Я улыбнулся.

– Нельзя кровью религию навязывать и запрещать нельзя, – сказал. – Где тётя Аня?

– К сестре на неделю уехала, к тётке Маше.

Прихожая маленькая. Потёртый паркет, в одном углу продавлен: Бабуин упустил однажды шестнадцати килограммовую гиру, которую мы купили у лысого дедка на барахолке, а через полгода Бабуин отдал её младшему брату его тогдашней подружки. У двери на кухню маленький полосатый коврик, в крошках. Под криво висящим телефоном стояла тумбочка, шпон вздутый, круги от чашек. Одна из дверей вся в наклейках с машинами. Бабуин когда-то их коллекционировал, складывал в шкатулку от бритвы «Харьков», а потом надоело, и он выклеил ими тумбочку. Я собирал монеты, в лет четырнадцать начал, когда отец в первый день работы в баре, притащил финскую марку, спутанную видимо с пятакон. Мне монета понравилась, особенно лев на реверсе. До восемнадцати, наверное, собирал, потом бросил. Но, штук сто у меня осталось в коробке из-под электрического чайника, мама иногда их просматривала.

Бабуин ушёл на кухню, громко шаркая по полу, чесал спину. Откуда-то появился Зомби и подошёл ко мне, потёрся о ноги. Тварь здоровая, тёрлась так, что я покачивался. Взял его на руки.

– Зомби жрать хочет, – заключил Бабуин.

Я занёс кота на кухню и кинул в кресло.

– Корм в шкафу, – напомнил он, Бабуин, в смысле, не кот.

Пока Замби ел, а я сидёл на стуле, Бабуин жарил яичницу и говорил:

– Мне Ленка снилась, – он бросил на меня взгляд, чтобы понять по моему выражению лица, вспомнил ли я кто такая Ленка.

Конечно, я помнил.

– Ты, наконец-то понял, что любишь её? – спросил я.

– Да, нет, у меня просто жёсткий стояк был. Надо, как-то пригласить её в гости.

Он раскидал уродливую липкую яичницу с сосисками по тарелкам, положил на стол. Затем засыпал в чашки три в одном и залил кипятком. Повар из него никудышный.

Ленка когда-то была его девушкой. Не думаю, что Бабуин её любил, и я тоже её не любил, а вот Ирке она нравилась. Природа наградила Ленку божественными формами и, конечно, Бабуин встречался с ней ради секса. Он говорил, что у неё талант в этом деле. А вот в остальном, она была особой заурядной и даже скучной. Хотя, нет, иногда на неё что-то находило, посещало вдохновение, и она становилась невероятной выдумщицей и фантазёршей. Любила рассказывать всякие истории, по большей части дурацкие, конечно, но Ирка снисходительно называла их забавными.

Ленка говорила иногда:

– Даня, ты же хочешь стать писателем, у меня есть для тебя чудесный сюжет!

Нисколько её сюжеты не были чудесными, они были интересны не больше, чем интересна половая жизнь евнуха. Да, и не нуждался я в сюжетах! Я писал стихи, а не прозу. Проза была мне категорически не интересна!

– Зачем звал? – спросил я, наконец.

Он помешал коричневатый напиток в кружке.

– Бабушку мою знаешь? – спросил загадочно.

– Кого? Откуда?

Сосиски хреновые, после жарки кое-где полопались и вздулись, стали похожими на шишковатые пальцы Кита Ричардса.

– Бабушка у меня есть в деревне, ну... отца мама, – пояснил с полным ртом. – Вот звонила недавно, плохо ей, болеет. Просила, чтобы я приехал.

– Поедешь?

– Да, отца надо проведать. С бабушкой, конечно, ничего страшно не произойдёт, она всегда говорит, что умирает. Ещё дед был жив, она вечно умирала, а в итоге умер он.

– Может, в этот раз правда умирает?

– На вряд ли.

– Ты хочешь, чтобы я с тобой сгонял? – я знал, что он к этому ведёт.

– Угу, развеемся, посмотришь на Россию, так сказать, не с лица, а с задницы.

– А к тётке Маше в Тулу почему не поехал? Сходил бы к маме, давно ведь не был.

Он тяжело вздохнул.

– Не хочу, не могу там находиться! Там всё о ней напоминает и все о ней говорят. Соседи, родственники, аж тошно. С каждым словом и с каждой слезой всё горше и горше становится. Не могу! Потом... Я не люблю маминых родственников, кроме тёти Ани. А в папиной деревне у меня осталось несколько приятелей, я же там учился несколько лет. Два с половиной года.

Зомби покончил с миской и принялся важно расхаживать по комнате, поглядывая перидически, то на своего хозяина, то на меня, – видимо не наелся. Хвост по-прежнему торчком, длинный и пушистый, как у скунса. Рыжая шёрстка блестела здоровьем, на передней правой лапе имелось белое пятно. Зомби носил ошейник с черепком, на лбу которого надпись «Зомби».

– А эту тварь куда денешь? – спросил я, доедая.

– Соседу отдам, Ярику. У него своих котов тьма, но он и за этим будет не против присмотреть. Зомби бывал уже у него... так что всё окей. Этот Ярик, если бы ты его видел... честное слово, чувак, он смешной, как Петросян. Маленький толстый, как не зайдёшь к нему, он в халате махровом ходит, розовом с голубыми полосками. Пузо колышется и подбородки тоже и пахнет от него как от Аллы Петровны из школьного буфета, помнишь её?

– Конечно, – кивнул.

– Я сначала думал, ну, когда он заселился, что он гомосек, впрочем, я и сейчас так думаю... педик! Но так-то тип нормальный.

– Не пристаёт?

– Да пошёл ты! Я же говорю, нормальный.

Бабуин резко подорвался со стула, взял с подоконника почти пустую пачку «Redmond», вытряхнул оттуда сигарету, зажал её губами и потянулся открыть форточку. Обычно тётя Аня выгоняла его на балкон.

Я играл с Зомби. Помню эту толстую тварь ещё совсем котёнком, глаза помню, огромные, выпученные, вечно испуганные – Бабуин его гонял по квартире дырявой бадминтонной ракеткой, а когда настигал, надевал её ему на голову. Зомби предпочитал скрываться от своего ненормального хозяина под диваном и не показываться до возвращения с работы тёти Ани. У человека глаза меняются с возрастом, в них мудрость начинает блестеть, ну если не мудрость, то хотя бы опыт, груз прожитых лет. У собак так же, щенки глядят беспечно, в них нет ничего кроме задора, а у старых псов в глазах непреодолимая печаль, знание того, что жизнь не так проста. Кошки – существа непонятные, этот смотрел на меня глазами того испуганного котёнка, хотя котярой он уже был матёрым, многодетным отцом и мужем не меньше сотни кошек.

– Так ты поедешь? – спросил Бабуин с полным ртом дыма.

– Да, да, поеду! – я часто закивал. – Когда едем?

– В пятницу поедем.

Оттолкнул Зомби ногой, он мягкий, как подушка.

– Нахера ты меня сегодня звал? – осведомился я. – По телефону нельзя было всё сказать?

Он поправил трусы, сделал глубочайший затыг, затем нарочито медленно, получая удовольствие, выдохнул серебристый дым в приоткрытую форточку. В окне за Бабуином было светло и шумно. Улица небольшими дозами высасывала дым.

– Хотел показать тебе кое-что! – радостно сообщал он. – Совсем случайно нашёл...

Бабуин швырнул бычок в форточку, обул, сброшенную с правой ноги тапку.

– Идём, идём.

Он увлёк меня за собой в комнату, радуясь чему-то как первоклассник.

– Искал свою старую кепку в шкафу, – начал он. – Тётя Аня всё по пакетам распихивает, и в шкаф складывает, чтобы не валялось. Я кепку не мог найти, всё здесь перевернул вверх дном и сообразил, что она её в шкаф сунула.

Он взял со стола какой-то диск и запихнул в дисковод ноутбука. Повернулся ко мне и заулыбался.

– Чего такой довольный? – спросил я.

– Распотрошил я все пакеты, пока кепку искал, а когда затрамбовывал их обратно, нарыл свой школьный портфель и знаешь, что в нём было?

– Твой дневник с двойками?

– Я сжигал все дневники, – напомнил он и снова расплылся в улыбке. – Рокко...

– О нет, – я взялся за голову. – Только не говори, что ты его сохранил.

– Я и сам забыл, я думал, выбросил, а оказывается, нет.

Он клацнул по кнопкам на клавиатуре, диск в дисковом закрипел и зажужжал, появилось изображение. На тёмно-синем экране возникла надпись WARNING, под ней текст на английском. Качество видео было отвратительным, и буквы виделись нечётко. На фоне джунглей всплыло название киностудии, при первом просмотре, я не обращал внимания на такие детали, в томлении ожидая зрелищ, теперь же замечал всё. Появилось имя режиссера, а потом актёров – Рокко Сиффредди и прекрасная Роза Карассиоло.

Кино называлось «Тарзан» только с иксом в конце.

Мы спёрли этот диск у нашего приятеля, когда были у него в гостях полжизни назад. Он делил комнату со старшим братом, а у того под кроватью имелась коробка, в которой этот диск и был обнаружен. Старший брат думал, что никто не знает, о существовании его коробки, но младший знал, правда, побаивался в неё заглядывать. Мы вытащили её в центр комнаты и первое, что обнаружили, был журнал для взрослых, тщательно нами изученный, перелистанный с начала до конца и обратно. Никто из нас до того момента не видел столько грудей сразу и других прелестных частей женских тел тоже. На некоторых страницах имелись подсохшие пятна.

Письма и записки, адресованные какой-то незнакомке Алине, мы читать не стали, слишком скучно, рассмотрели колоду карт с голыми девушками, но уже без особого интереса, после журнала с красавицами на всю страницу, эти затасканные карты нас не волновали. Диск обнаружился на самом дне коробки, старшему брату нашего приятеля редко выпадала возможность его смотреть. Бабуин диск стащил, наш приятель потом хорошенько за это получил.

Мы отправились сразу к Бабуину домой, чтобы посмотреть его на компьютере. Фильм вызвал шок.

Теперь мы смотрели фильм не испытывая того детского тревожного возбуждения и биологического любопытства, но он всё равно был лучше всего того, что я когда либо смотрел подобного жанра. Фильмы для взрослых утратили свою наивность, утратили сюжет, всё, как правило, происходит на диване, без прелюдий и предварительных ласк. Видавшая виды порно-

звезда, с неестественно-круглыми, твердыми грудями, жадно и громко приводит в рабочее состояние члены своих партнёров своим натренированным ртом. Их трое или даже больше и у всех между ног телеграфные столбы, но эти столбы не пугают актрису, она готова принять их всех и принимает, то поочерёдно, то все сразу, растягиваясь, как резиновая, изгибаясь и смешно крича. Они месят её немолодое, дряблое тело, чересчур загоревшее в солярии. Сцены чередуются, актриса показывает, что ей подвластны любые позы, ни одно отверстие в её теле не остаётся без внимания. А в конце она радуется брызгам и потокам и оседает на влажном ложе, утомлённая и наигранно счастливая.

– Раритет, – сказал Бабуин и остановил фильм на середине. Тарзан к этому времени уже несколько раз любил Джейн. Романтика закончилась, как и сценарий и оставшееся время можно было наблюдать лишь обезумевших от похоти дам, по очереди посещавших дикого мужика, а порой проходящих группами.

– Не интересно уже, – сказал я.

– Конечно, не интересно, – согласился Бабуин, вытаскивая диск. – Нам уже не десять лет.

Он закурил, я вырвал у него сигарету, сделал пару затяжек и вернул. Целой сигареты мне было много.

– Сегодня у меня тусу устроим, – проговорил Бабуин, и дым обволок его небритое лицо.

Не знаю смог бы я влюбиться в него, если, не дай бог, родился бы девочкой. Наверное, вообще не смог бы ни в кого влюбиться, умер бы девственницей.

– Я Пеньку звонил, Алиске. Мирон и так припрётся, ему Пень наверное уже сказал.

– И по какому поводу? У тебя, что бабло появилось?

– Да нет, – махнул он. – Есть пара копеек на карте.

– Я к родителям хотел сегодня сгонять, – вздохнул я. – А завтра с утра мне на собеседование?

– Куда?

– На собеседование!

Зомби тёрся о ногу, стучал когтями о пол, по прежнему попеременно смотрел то на меня, то на Бабуина, который в недоумении спросил, куда я собрался устраиваться.

– Я отправлял резюме по разным канторам и вот одни меня пригласили. Строительная компания.

– Так ты ж у препода своего работал?

– Там работы нет уже почти. Берёмся за всякую ерунду! Мне постоянная работа нужна.

Мать достаёт.

– Короче ты вали к родителям, – разрешил Бабуин. – А вечером у меня. Завтра пока туда сюда, раскачаемся, как раз в пятницу утром поедем.

– А собеседование, забыл?

– Точно, собеседование! Ну, съездишь.

Всё у него так просто.

Глава вторая

Всегда удивляюсь тем людям, которые говорят, что любят осень. Как её можно любить? Слякотный переход лета к зиме. Я осенью нахожусь в некой спячке в полудрёме, просто жду, чтобы она прошла. Вся жизнедеятельность организма снижена до минимума. Осень – время депрессий, хандры и сплина, и потому, говорят, что её любят художники и поэты, – депрессия лучшая пора для творчества, но только не для меня. Осенью я не способен выдавить из себя и строчки, разве что однажды, мне удалось сочинить кое-что.

Полночь утопит в мазуте
стебли слепых фонарей.
Замки и щеколды открутит
с закрытых входных дверей,
откроет, вползёт змеёю,
заполнит собой весь дом.
Получше тебя укрою —
во тьме, но ещё вдвоём!
Размыты песчаный замки,
фото изъяты из рам.
Порой пустяковый ранки
в душе оставляют шрам.

Не лучшее моё стихотворение, но на большее я осенью не горазд. Ирке нравилось, всем девушкам нравится.

В институте я как-то сказку написал, – единственное моё прозаическое произведение, – небольшую, о принцессе и прекрасном принце. Разумеется, в ней были сплошь сцены их пре-любодейства, с красочными подробностями, и я однажды прочитал её своей однокласснице, в которую был влюблён до Ирки. Она посмеялась, а потом, как-то спросила, могу ли я так же... Конечно я мог.

Вспомнил даже начало этой сказки, зайдя в метро.

Под землёй гораздо лучше, чем на улице, теплее, уютнее, мне здесь лучше думается. Но это только в такую мерзкую погоду, в остальное время я не люблю метро. Вообще я много чего не люблю.

Оказалось на карте закончились поездки, пришлось стоять в очереди у кассы. Передо мной стоял, переминаясь с ноги на ногу, высоченный детина, шириной с камаз. Наушники висели на спине, – хорошие наушники, дорогие, играли громко. Сначала какая-то жесь, без мелодии даже, просто шум. А потом был старина Оззи.

Вагон был полный, пахло непонятно чем. Очень редко в метро можно различить какой-то один запах из множества наложенных друг на друга. Разве что вонь какая-то всплывёт и перекроет прочие запахи, вынырнет у кого-то из-под полы старого пальто, никогда не стиранный, покрытой жёлтыми пятнами куртки, вонь, состоящая из мочи и пота, вонь, сочащаяся отовсюду.

Пробился к поручню, сотни ртов дышали мне в лицо, выдыхали перегар, табак, запах гнилых зубов, болезней, пищи. От некоторых пахло приятно, духами или фруктовой жвачкой, старался держаться рядом с ними.

На очередной станции в переполненный вагон утрамбовался ещё миллион человек, все держались за воздух, иногда друг за друга. Кто-то умудрялся стоя читать. Меня протолкнули ещё глубже, упёрся в широкую женщину, делившую вагон на две части и из одной в другую

было не пробраться, разве что перелезть через неё. Где-то у гуливерши под мышкой висел старичок, пахнувший пылью.

Однажды мы с Бабуином ехали с Сокола домой, зашли в полупустой вагон, в самом углу сидел худощавый паренёк, спокойно сидел, клевал носом, явно плохо бедолаге было и вот за пару минут, до нашей остановки, он перестал мучиться: блеванул прямо себе на ноги, серо жёлтый поток залил ему брюки и кроссовки, и тётку соседнюю слегка задел. Вот тогда запах в вагоне стоял мощный, хорошенько заваренный в желудке парня, настоявшийся.

Я, знаете ли, мерзости долго помню.

«Это Стелла!...Стелла, выглядевшая, как кинозвезда, ослепительная блондинка, вся в локонах».

Чёрт возьми! Что за дерьмо?

Закрываю книгу. Называется: «Обнажённые чувства». Где это Розмари Роджерс, автор этого «шедевра» видела кинозвезду всю в локонах? Разве что Чуббака, уж он-то точно весь в локонах.

Ну и ерунду Ирка иногда читала, а ещё филолог. Я книгу дома нашёл, – Ирка видимо забыла, когда уходила. Она ушла, когда я был на работе, забрала свой халат и ушла. Когда я вернулся, сразу понял, что она меня бросила, у неё были причины.

Я не позвонил ей. С тех пор ни разу.

Книжка лежала под матрасом, где ей ещё было лежать? Домой после Бабуина я вернулся за наушниками, я в них как-то уснул, поэтому искать их следовало за матрасом. Наткнулся на книгу. Решил почитать по дороге к родителям. Последнее время я редко читаю. Не помню, наверное, месяца три назад добил «Последние дни супермена».

Про наушники так и забыл.

Полторы страницы успел прочитать, когда в вагоне стало попросторнее.

Выйдя из метро, книгу выкинул в урну. Уже перейдя дорогу, заметил, что её оттуда вынул хромой вислопечий старик в двух дырявых шапках на трясущейся голове, в большом грязном пиджаке, поверх растянутого шерстяного свитера, в камуфляжных штанах и замызганных кедах.

Я остановился, стало интересно.

Он книгу осмотрел со всех сторон, поднес ближе к глазам, затем открыл, где-то в середине небрежно и боязливо, как в первый раз, словно боялся, что из книги случайно просыплются на асфальт буквы или выпадут целые слова. Бесцельно перелистал несколько страниц, вернулся в начало. Дорога была односторонняя, узкая и я отлично мог видеть его грязные руки, настолько грязные, словно он специально их измазывал грязью, чёрные, с короткими, не до конца разгибающимися пальцами, будто у него ладонный апоневроз, как у соседа моих родителей, у которого только мизинцы разгибались.

Наблюдал, как довольная ухмылка преобразует его обветренное рябое лицо. Он уткнулся в книгу и, кажется, читал, но слишком часто отрывал глаза и бросал взгляд на прохожих и на то, что с ходу летит в урну. Упаковки от печений, салфетки, помятые «Тройки» и прочее, – ничего, что могло его привлечь, кроме книги.

Думал, сейчас выбросит её обратно, но нет, засунул под мышку и двинул ко входу в подземку. Будет читать, может даже с друзьями, – они неподалеку, двое, – один средних лет с опухшим, некрасивым лицом и безумными большими глазами. Второй был чересчур высокий, – не в одну дверь не войдёт, сгибается, как без костей, весь серый, заспанный, помятый. На тротуаре у их ног лежала большая чёрная сумка, чертовски грязная, с неработающей молнией, замусоленными ручками. Сумка не пустая, интересно, что в ней? Что могут постоянно с собой таскать бомжи в большой сумке, с которой не сводят глаз? Наверяд ли это какой-то мусор. Меня действительно это заинтересовало, но не слишком, чтобы самому проверять содержимое.

Продолжал наблюдать, было интересно. Книгу он уже держал в руке. Я пожалел только об одном, что не выбросил в урну более качественную литературу. Если бомжи и вздумали читать друг другу перед сном, то неправильно начинать с Розмари Роджерс.

Старик кланялся и приплясывал перед симпатичной приятной полноты женщиной, улыбнулся ей, но она с отвращением прошла мимо, заспешила, прижала к груди сумочку. Его дружки захихикали. Высокий, как-то неловко приседал на длинных тонких ногах, – замёрз в своих стоптанных кроссовках.

Старик не показал им книгу, упёрся к стенке плечом и закурил припрятанную в кармане половинку сигареты, перед этим немного её помяв.

Отец мой тоже мнёт сигареты двумя пальцами. Он выкуривает по полторы пачки в день и если бы не мать, заставившая его перейти на более лёгкие, курил бы по-прежнему свои ядренные папиросы. Я даже и не помню отца без сигареты. В пятом классе я как-то свистнул у него сигаретку из портсигара, в ту пору он вечно таскался с этим дурацким портсигаром, подаренным каким-то его приятелем, с которым они не то служили вместе, не то сидели. Я взял всего одну сигарету, иначе бы он заметил. На следующий день за школой первый раз затянулся, сильно затянулся. Раскашлялся, как открытый туберкулёзник, скрутился дугой, из глаз слёзы. Голова кругом, в висках застучало, затошнило.

В общем, я редко курю с тех пор.

Бомжи остались стоять у метро, а я прошёл вдоль магазинчиков и ремонтных мастерских и свернул к домам. Мои родители прожили в этом районе всю жизнь. Я здесь родился, но с тех пор много чего случилось, изменилось. Дворы перестали быть уютными, и теперь здесь было неприятно даже гулять.

Родители никогда не запирали дверь, и это не из-за чувства безопасности и защищённости, сохранившегося в них, как и во многих советских людях, а из-за того, что мама живёт в постоянном, каком-то иррациональном, паническом страхе пожара. Она всегда думает, что если пожар случится, то они с отцом не успеют выбежать из квартиры. Не знаю точно, когда это началось, сразу после того, как в пожаре погибла её очень близкая подруга или позже. Их с отцом документы были сложены в его старую борсетку, для которой был предусмотрен гвоздь в прихожей. Под борсеткой в обычной коробке хранился огнетушитель, ещё один, его купили позже, имелся на кухне под раковиной.

Меня встретила мама. Глаза сверкали, улыбка не сползала с лица. Чуть позже понял, в чём дело, – дело в ноутбуке. Не так давно, кажется, месяц назад они купили себе ноутбук и вот каждый день вдвоём с отцом, вооружившись тетрадкой, в которой я на скорую руку написал инструкцию по эксплуатации, (как удалить, как сохранить и всё такое), изучают вычислительную машину. Для них это развлечение, они получают колоссальное удовольствие.

– Как дела с компом? – спросил.

– Отлично, – энергично отозвалась мама. Она чудесно выглядит, когда счастлива, а она была счастлива, я видел. – Мы с отцом зарегистрировались в одноклассниках... и вот, пытались поместить на главную страницу мою фотографию!

– И что разместили?

Она начала смеяться.

– Да куда там, – отмахнулась. – Уже час не можем выбрать! Там есть такие снимки, умора! Надо почаще просматривать фотографии. О тех, что в альбомах я вообще молчу...

Я разулся, мать сидела на трюмо и вздыхала, а отец курил на балконе.

Мама всегда встречает меня, бросает все свои дела и находится рядом всё время, пока я не пройду на кухню, точно следит, чтобы я не передумал и не сбежал. Только после этого ставит чайник и накрывает на стол. Отец появляется позже, неважно, где он находится в это время, перед телевизором или на балконе с тяжёлой пепельницей, которую всегда держит в правой руке или с газетой в кресле. Он спокоен, говорит: «Привет, сын» и садится за стол. Мать

говорит много. Она умеет рассказывать. Даже самые неинтересные истории и происшествия становятся чрезвычайно интересными.

От отца пахло табаком и ягодной настойкой. Пока мать возилась у плиты, он подмигивал мне, кивал в сторону шкафа, где держал пятилитровую бутылку со своим фирменным напитком. У отца собственный рецепт, по крайней мере, он так говорил. Когда у него ещё не было проблем с ногами, и он мог ездить на машине, мы выезжали в лес за ягодами. «Синим сезоном» называли сбор ежевики, когда у меня всё лицо, рот, губы и язык были синими. «Красный сезон» – малина и самый короткий, – «жёлтый» – облепиха.

Теперь он делал настойку совсем редко из покупных ягод. Зимой из замороженных и сушёных, летом и осенью из свежих.

Открыл шкаф, в самом низу кучи хлама, ненужная посуда, несколько пар отцовских, а значит огромных, тяжёлых сапог, в которых он ездил на рыбалку. Никогда мой взгляд не привлекали эти вещи, а теперь вдруг засмотрелся. Из хлама выглядывал угол шахматной доски с несколькими оставшимися внутри фигурами, которую подарила бабушка на моё шестнадцатилетие. Бабушка бывала в Индии, и шахматы привезла оттуда, они были вырезаны из слоновой кости, стоили бешеных денег! Настоящие шахматы! Думаю, мне стоило более трепетно относиться к подаренным вещам... В какой-то книге читал, что вещи обладают памятью и когда люди умирают... через много лет после их смерти только какие-нибудь связанные с ними мелочи, случайно попавшиеся нам на глаза, способны воссоздать мгновение из жизни умершего, яркое, со всеми подробностями. Я вспомнил бабушку, глядя на шахматную доску. Лицо в деталях не увидел, отчётливо вспомнил глаза, у мамы такие же. Помню, как она вручала мне доску, запакованную в красную обёрточную бумагу, перевязанную пурпурной лентой. Лицо её светилось, – она всегда радовалась, когда дарила подарки. Воспоминания начали разматываться, как ретроспективная плёнка. Ясно увидел момент, когда провожали бабушку в Индию, а затем предшествующий ему, в котором она сказала нам, что выиграла путёвку в Бомбей на кинофестиваль. Она очень любила Болливуд.

Мы не были с ней так близки, но в груди у меня покалывало.

Поймал себя на том, что страстно хочу поковыряться в этом шкафу, заглянуть во все коробочки, распаковать запакованные, заглянуть во все туго-претуго завязанные пакеты и сумки, – разворошить память.

Бабушки уже давно нет и когда-нибудь не станет и родителей, и понадобятся ли мне их вещи, чтобы помнить? Как быстро сотрутся их лица? Как часто мне понадобится брать в руки их личные вещи или альбом с фотографиями, чтобы освежать память?

Чудовищное чувство! Страшное.

Я ведь говорил, что осень навевает хандру и дурные мысли. Ужасное время года!

– Сколько здесь хлама! – заметил я, доставая полупустую бутылку.

Мама махнула рукой.

– Не как не могу заставить твоего отца выбросить половину, – сказа она с упрёком. – Удочки, сети, рюкзаки, – он на рыбалке-то не был уже лет шесть.

– Лежат и пусть лежат, – спокойно сказал отец. – Они что кому-то мешают?

– Я бабушку вспомнил.

Мама отвернулась от плиты и посмотрела в никуда.

Я молчал.

Отец рисовал что-то на столе указательным пальцем.

– Есть-то будем, – спросил он через минуту.

Мама вздрогнула.

– Надо съездить к ней на могилку, 27 у неё день рождения.

– Мая?

– Да. Уже год её не навещали. Ты у нас переночуешь? – спросила она, раскладывая тарелки.

– Нет, – отозвался, нарезаая хлеб. – Надо с Анрюхой Панфиловым встретиться.

Я никогда не называл Бабуина Бабуином в присутствии родителей.

– Анрюшка! – весело воскликнула мама. – Передавай привет и Анне Григорьевне тоже!

– Она уехала, – сказал я.

– Куда, у неё же ноги больные?!

– Сестру навеситить, старшую. Анрюха её не любит.

– Не любит! Ишь ты... У него из родственников только покойной мамы сёстры остались.

Тетя Аня и тётя Маша. Бедная Ниночка, царство ей небесное. Самая молодая была, и видишь как, первая умерла.

– У Анрюхи бабушка есть живая, его бати мама. Мы хотим к ней съездить на днях.

– Ты тоже?

– Да, вдвоём!

– Ну, поезжайте, а когда?

– Я не знаю ещё, Бабу... Анрюха скажет когда. С работой решу и потом.

– А что у тебя с работой? – поинтересовался отец.

– На собеседование пригласили, я же объявление давал.

– Хорошо, – сказала мама.

Отец спросил:

– А со старой что?

– Да, там непонятно ничего и денег мало.

Батя налил по первой, когда стол был накрыт. Мы выпили, мама сразу же закусила.

– Надо настоечку новую делать! – сокрушался отец. – Бутыль пустая.

– Не надо было высасывать её за неделю, – мама на меня посмотрела. – За неделю выпил.

Отец не обращая внимания:

– В этот раз вишню возьмём.

– А я уже и позабыла, когда они погибли, Анрюшкины родители?

– Мам, я не помню, – немного раздражённо ответил я. – Не хочу об этом.

Мы ели молча. Через время отец налил ещё стопку.

– А почему с Ирочкой не пришёл или она на учёбе? – полюбопытствовала мама.

Я тяжело вздохнул:

– Расстались мы.

– Как расстались, когда? – она сделала испуганный вид.

– Месяц назад.

– И почему расстались? Такая умная, красивая девочка. Филолог! Почему расстались?

– Почему, почему, – вмешался отец. – Дело молодое, сегодня встречаются, завтра расстаются. Подумаешь. Вот если бы в армию пошёл, и она дождалась, тогда, да! Проверил бы её, что называется...

– Оставь свою армию, Витя, учиться надо, а не воевать! Войны потому и случаются, что людей глупых много, чуть что сразу война. Сразу драка! Договариваться не умеют.

– Учат в армии договариваться и что делать учат, если договорится невозможно.

– Глупости!

Отец задумался:

– Армия, конечно, в балаган превратилась, но всё равно... Министр обороны ворует, – это гиблое дело. Министр!.. – отец разжевал это слово и выплюнул. – Министр обороны, а в форме я его не видел ни разу.

– Ничего страшного, что не служил... – стояла на своём мама.

– А я хотел бы, – признался я. – Если бы всё было нормально, с удовольствием бы в армию пошёл.

У меня врождённый порок сердца.

– Так ты, может, теперь к нам переедешь? – спросила мама. – Что твоя общага, да ещё и в одиночестве, не постирать, ни приготовить нормально. А я на пенсии, хоть кушать будешь регулярно.

– Я подумаю, мам, – ответил я с полным ртом. – Мне к работе ближе.

– Так ты ж в другое место собираешься устраиваться, – напомнила она.

– Всё равно ближе.

Мы сидели часов до шести. Мама больше не пила, а мы с отцом прикончили настойку. Потом позвонил Бабуин и хмельным голосом сообщил, что народ уже подтягивается. Я сказал, что скоро буду.

– Ну, Андрюшке привет передавай, – напомнила мама, когда я обувался, ощущая лёгкий туман в голове. Иногда отцовские настойки убивали с первой рюмки, а иногда были, что фруктовое вино.

– И почаще заходи, ты же теперь можешь почаще нас проведывать?

– Могу, – кивнул я.

– И не участвуй ни в чём! – сказал отец, застывший в двери кухни тёмным силуэтом.

– Не участвовать в чём? Это ты про что?

– В митингах всяких, – пояснил он. – Вон каждый день, какие-то митинги, марши протеста. Не живётся людям спокойно! Одни глотку готовы разорвать, если креста на шее нет, другие, если крест есть. Все чего-то против! Патриоты. Либералы. Метаются все туда- сюда.

– Опять ты Витя за свою политику!

– Я не участвую в этом, пап.

На самом деле, я соврал, иногда всё-таки участвовал.

– Ну и хорошо, а то один старик управляет толпой глупой молодёжи.

– Как будто раньше было по-другому? – удивилась мама.

Они ещё спорили, когда я закрывал дверь.

Привет не передал, забыл, да и не до приветов было.

Пенёк и Аллка Цыплюхина были уже навеселе и смотрели телевизор в комнате Бабуина, потушив свет и обнявшись. Они часто обнимались, но, ни разу не спали вместе. Она много с кем спала, но не с Пеньком.

Он хороший парень и даже симпатичный, я считаю его гораздо симпатичнее меня, и уж тем более гораздо умнее. Он чертовски начитан, но Аллку такие не привлекают, я вообще не знаю, какие её привлекают, кажется любые кроме Пенька. А с другой стороны, кто знает, может он и успел ей присунуть. Я точно знаю, что если это и случилось когда-то, когда она была сильно пьяна или наоборот, когда он был в говно, а она осталась без ухажёра, Пенёк никогда не рассказал бы об этом. Он не распространяется на подобные темы, стесняется их. В одиннадцатом классе он встречался с одной очень хорошей девочкой, безумно хорошей. О ней мечтали все, – все всегда мечтают о недоступных, правильных девочках, носящих очки, очки – нет ничего сексуальнее очков. Ещё у таких девочек, как правило, белые трусики. Понятия не имею, откуда это знаю, не заглядывал ко всем отличницам под юбки, чтобы подводить статистику. Просто знаю и всё!

О ней мечтали все! Настя её звали, не могу вообразить, как её ещё могли звать, никакое другое имя ей не подходило. Такое ощущение, что её родители изначально знали, какой она будет и что имя Клавдия или скажем, Лариса ей не подойдёт. К ней многие подкатывали, двоичники, конечно, знали заранее, что шансов нет, хотя она ко всем относилась хорошо, дружила. Ботаникам, в числе которых был Пенёк, не было никакого дела до противоположного пола, нет, вернее было, наверняка они о девочках думали, когда дровичили под одеялом или в туалете,

но в школе даже не смотрели на девочек. К Насте подходили только крутые парни, играющие за сборную школы по футболу или баскетболу, такие, которые никого в школе не боялись. Но с такими, как правило, не о чём поговорить и потому все их попытки заканчивались неудачей.

К какой из этих категорий подходил я? Мы с Бабуином и ещё насколько парней не принадлежали к какой-либо категории. По сути, мы считались троечниками, в точных науках полные олухи, а в гуманитарных, могли дать фору любому. У девочек мы пользовались интересом не меньше, чем «крутые» парни. Но к Насте, лично я не рискнул бы подойти.

Никому и в голову не могло прийти, что недотрога Настя, в короткой юбочке обратит внимание на долговязого прыщавого Пенька, у которого руки висели до самых колен, шея была как у страуса, плечи отсутствовали, сутулый, зажатый. Он в то время носил потёртые растянутые джинсы, с класса седьмого, до конца школы их носил. Они никак не подходили друг другу, Пенёк и Настя, во всяком случае, внешне, она среднего роста всегда безупречна с идеальной причёской ничего особенного не было в её причёсках, но они были идеальны, ей шло всё, она из тех девушек, которым всё к лицу. У неё были чудесные ноги, я хорошо помню и попка у неё была отличной, я частенько не мог заснуть, думая о её ногах. Пенёк был чудовищно высок, чрезвычайно, он и сейчас выше всех, слегка сутулый, но лицо у него красивое и глаза. Он из того числа мужчин, которые хорошеют с возрастом, в лет пятьдесят наверняка достигнет апогея своей привлекательности.

Мы увидели их целующимися за школой, там же где я впервые попробовал затянуться отцовской сигаретой; где Бабуин дрался с Генкой Митрофановым из-за какой-то девочки, которая через месяц уехала с мамой и с отчимом в Бельгию; где мы всем классом курили один на всех косяк и где как-то вечером видели одного лохматого хмыря тискавшего нашу психологиню.

А потом, что-то случилось и Настя с Пеньком расстались. Это обычное дело, но знаете, мне было очень жаль.

Потом я её с каким-то нерусским видел.

Так вот Пенёк и Алка щёлкали телек, – не могли найти ничего интересного. Алка не могла, пульт потел у неё в руке.

Бабуин с каким-то типом курили на кухне. На полу я заметил несколько пакетов с выпивкой и закуской из ближайшего супермаркета.

Больше народу не было.

– Это Санёк! – представил мне своего друга Бабуин. – Он тут недалеко живёт! Я тебе про него говорил?

– Нет.

– Ну, теперь будете знакомы! – засмеялся. Как-то странно засмеялся, – тоже выпил или курнул.

– Есть ещё? – спросил я.

– Ты о чём? – Санёк сделал вид, что не понимает или и вправду не понимал. Тупой он какой-то, глаза тупые.

– Шмаль есть? – пояснил я.

Раздражал меня этот Санёк, слишком широко лыбился.

– Нет, у Алки спроси, у неё иногда бывает косячок, – сказал Бабуин.

– А вы тогда чего такие счастливые?

– У нас другие игрушки, – объяснил Бабуин. – Ты в такие точно не играешь, брат.

С каких это пор, подумал, у нас с Бабуином разные игрушки?

– Ганжик могу притащить, – Санёк посмотрел на Бабуина, потом на меня. – Есть у меня приятель тут недалеко, у шмары какой-то поселился. Не дорого берёт, а мне и за даром даст. Он к «винту» плохо относится. Неправильный это кайф, говорит. – Он вдруг начал смеяться,

дурацким таким мелким смехом. – Прикинь, его батя уже старше всех «роллингов», а до сих пор «афганкой» балуется, сослуживец ему подкидывает.

– Где ты этого обдолбыша нашёл? – спросил я Бабуина.

Санёк – наркош со стажем, я таких неплохо знаю, ещё с тех пор, когда барменом подрабатывал. Много таких захаживало. Дёрганные они все, худющие, но счастливые. Счастливые это если на «винте» сидят, мне старший бармен рассказывал – Вадик. У него вроде бы сводный брат такой бедой увлекался. Вадик как-то познакомил меня с одним чуваком, лет ему было за сорок, звали Максим, но это по паспорту, а так все называли его просто Миской. Он так и представился, – Миска, говорит и тянет свою синюю руку. Он много чего в жизни перепробовал, нюхал, втирал, колол, курил. Его жена умерла от передоза, через месяц после их свадьбы. Они и сошлись на этом деле. Мне сразу тогда показалось, что в его глазах отсутствует свет, полностью отсутствует, не потухает и зажигается снова, а исчез раз и навсегда. Так мне показалось. Он захаживал редко, но сидел всю ночь, почти не пил, только рассказывал, много чего рассказывал.

Был и другой, который запомнился, – особенный, жирный как боров, весь в складках, весь мокрый. Пахло от него потом и дерьмом. Он рассказал как-то по секрету, нависнув всем своим весом над барной стойкой, что хочет познакомиться с девушкой, – подцепить киску, как он сам говорил. Для этого он и приходил, но никогда, ни к кому не подкатывал, сидел один. Жирдяй не улыбался почти, и я никогда бы не сказал, что он наркош. Его Миска сдал. Миска иногда подкидывал ему дурь. А потом я в этом убедился и сам, увидел это в его глазах, они были полны счастья.

Санёк был наркошем, я сразу понял. Вот только не понял, что он делает в квартире Бабуина. Где они могли познакомиться?

Санёк был среднего роста, чуть выше меня, но худой до такой степени, что кости проглядывали под бледной, болезненного вида кожей. Ключицы, ну прямо как велосипедный руль. Руки тонкие, покрытые светлым, но плотным волосяным покровом, – не мужские руки, да и не женские тоже. Таким рукам нельзя довериться.

Он смотрел на меня, пристально так смотрел, своими выпученными огромными глазами. Я стоял у двери, – он у окна, около, курящего Бабуина, но я добрался бы до него очень быстро, если бы он что-то вякнул в мой адрес, хотя бы попробовал вякнуть.

Он молчал, видимо догадывался, о чём я думал.

– Да, расслабься ты, – не своим голосом сказал Бабуин и сделал шаг в мою сторону.

Я, вконец обозлённый, двинулся к нему, схватил за руку. Не знал, что хотел с ним сделать, просто сильно сжал его руку. Он весь напрягся, дышал, как только что пробежал кросс. Зрачки расширенные, глаза бегают.

Саня, – этот тощий ублюдок, по-прежнему хихикал. Я заметил, что он имеет привычку чесать папиллому у себя на шее.

– Ты, сука! – ругался я на Бабуина. – Ты колешься?

Он молчал, смотрел на меня, долго смотрел, но глаза пустые. Мне страшно стало, прямо тяжко. Не видел его таким! Это всё его новый знакомый, – думалось мне.

– Ты колешься? – в ярости спросил я.

Он вырвал руку, поменялся в лице, стал злым. Но я был злее и он начал опять по-дурацки улыбаться. Я не слишком разбирался в наркотиках, не знал, как они действуют, но эта его улыбка была явно наркотической.

– Не колюсь я, – признался он с некоторой обречённостью в голосе. – Попробовал один раз, нюхнул «винта».

Ему стыдно! Он пятился, топтался на месте, смотрел на Саньку с укором, затем упал на стул и вперился в запотевшее стекло.

– Нюхнул «винта»?! – почти взвизгнул я, я и подумать не мог, что способен издать такой противный звук собственным ртом. – Ты... ты грёбанный мудака!

Мне вдруг стало так тошно на душе, так погано. Мысли начали метаться, ещё раз осознал, что боюсь. Чего? А хрен его знает, боюсь и всё. Боюсь наркотиков, боюсь, что потерял друга. Да, мне действительно пришла шальная мысль, чудовищная мысль, – я потерял друга!

Я плохо отношусь к наркоте и к наркоманам плохо. Мы с Бабуином к ним плохо относимся, относились...

Вот от этого мне и страшно.

Слышал, в соседней комнате Алка мучила Зомби. Ему нравится, когда его мучают, во всяком случае, он не удирает при первой возможности. Такой вот кот мазохист. Алка часто говорила о желании, сделать из Зомби подстилку на стул. Она вообще была девушкой странной, кричала на всех углах, что терпеть не может детей и своих племянников, детей старшего брата, готова выкинуть через окно. А потом жаловалась, что не один парень не воспринимает её всерьёз, не хочет создать с ней семью.

На кухне все молчали.

Я порылся в пакете, достал бутылку водки, лихорадочно открутил пробку и сделал глоток.

– Синька – говно! – посмел сказать Санёк.

– Закрой пасть! – закричал я, ткнув в его сторону бутылкой.

Он замолк.

Я упал в кресло, засунул горлышко бутылки в рот и влил ещё. Сидел долго, снимая с подлокотников белые кошачьи шерстинки.

– Как давно? – спросил у бутылки.

Бабуин уже ходил взад-вперёд по кухне.

– Я попробовал пару разгов, – ответил он голосом провинившегося школьника.

Он был без майки, стоял посреди кухни, гладил живот.

– Слушай! – продолжил он, – ты мне мамка что ли? Отвали! Всё норм, расслабься!

Он начал ворошить пакет с продуктами, вышвырнул несколько пачек сухарей и тоже достал бутылку водки.

– Синька – говно, – как робот повторил Санёк.

– Заткнись, Саня!

Я поставил свою бутылку на пол и вышел. К Алке и Пеньку не заглянул, не попрощался.

На улице было холодно и шумно. Стоял и думал, куда идти. В общагу тащиться было не охота, последнее время жить там одно мучение. Пожалел, что не забрал с собой бутылку. Размышлял куда можно заглянуть, чтобы добавить в организм алкоголя. Настроение было паршивое.

Было без пяти минут одиннадцать.

Дошёл до гаражей, под фонарём стояла согбенная маленькая старушка с клюкой, что-то бормотала. Её обступала целая стая голодных кошек. С такого расстояния все они казались чёрными и одинаковыми.

– ...подожди, Танюша, – слышал тонкий голос. – Все голодные, а ты тут самая старшая...

Бабушка отпихнула настырную кошку клюкой. Поставила небольшой, закутанный в тряпки таз на землю и принялась вытряхивать недоеденный корм из кошачьих мисок, всевозможных форм и размеров, от блюдец и консервных банок, до ковшиков с обломанными ручками и тазиков, разложенных вокруг парящего люка теплотрассы.

Чуть в стороне от этого люка, из земли вырывались две огромные трубы и дальше уже шли по земле. В детстве мы лазали по ним и лежали, на них тепло даже зимой.

Мне не пришлось долго мучиться, чтобы забраться наверх, а в детстве мы таскали всякие камни и железки, чтобы вскарабкаться. Я сидел совсем недалеко от дорожки, над которой трубы образовывали арку, в надежде, что Вова Миронов пройдёт именно отсюда.

Кошек собиралось всё больше. В какой-то момент мне показалось, что если бабулька с тазиком не пошевелиться, они просто разорвут её на части. Но вскоре она размотала тряпки с тазика и вывалила пышущую густую кашу в миски. Коты накинулись на пищу и с тихим писком начали поглощать, иногда обжигаясь и визжа. Мне казалось, я улавливаю запах рыбы или, во всяком случае, рыбьей требухи.

Старуха бормотала, пихала кого-то клюкой, поучала. Потом взяла тазик и заковыляла к подъезду. Ходила она чертовски медленно и всё время бормотала. Шла, шаркая, громко вздыхая и бормоча.

Мне вдруг пришло в голову позвонить Ирке. Я не думал, что она с кем-то начала встречаться после нашего расставания. Мне казалось нормальным, позвонить ей сейчас.

Я достал телефон, жалея, что не прихватил с собой бутылку. Нажать на звонок не успел.
– Даня!?

Немного растерянно я повернулся к дорожке. Мирон в чёрном пальто до колен, шарф, как дохлая, выпотрошённая змея на шее, на голове тонкая шапка. Для шапки слишком тепло тем не менее он в шапке. Высокий, как секвоя, даже как будто выше Пенька, хотя это не так.

– Здорово!

Он держал в руках пакет с бухлом.

– Ты чего здесь?

– Да там полный писец! – отозвался я.

Он аккуратно поместил пакет на трубу слева от меня, а сам сел справа. Не проверил даже на что сел, никогда не проверяет, даже если там гвоздь будет торчать, сядет. И не жалко ему было в таком пальто садиться на грязную трубу.

– Ты чего так поздно? – спросил, бросая взгляд то на ужинающих кошек, то в темноту перед собой.

– Вика просила сходить с ней в универ. Она приболела, на пары не ходит, но рефераты писать надо. Ходили за книжками. С подругами её встретились.

– Симпатичные?

– Есть пара штук, но не особо... так... если разве что, разок, другой...

– Звони! – сказал, пихая его плечом.

– Даня, что случилось? – спросил он озабоченно.

– Не хочу туда.

– Ты чё с Бабуином посрался?

Я после недолгой паузы:

– Бабуин – сука! Наркош и...

– Какой еще наркош?

– Обыкновенный...

Мирон поморщил брови, уставился на меня впритык.

– Да, ты чё говоришь? – не поверил он.

– То и говорю, нюхает он. Сам сказал.

– Вот чёрт! Как он?.. как он вообще? Как он мог?

Что за детский вопрос, думал я. Как мог? Да, так и мог, засосал своими широкими бабуинскими ноздрями «винта» и всё.

А самому мне тревожно, ведь с детства знакомы, из детского сада вместе сбегали в парк и на дереве сидели, над дорожкой. Плевали с ветки на растрескавшуюся тротуарную плитку. Бабуин хорошо лазал по деревьям, очень хорошо. Он поэтому и получил такое прозвище. А в школе, в восьмом классе нам девочка одна нравилась, она с нами после школы иногда гуляла. Любочка её звали. Никто из нас её не заполучил, но я хотя бы её голой видел. У неё дома, однажды. Она пригласила меня, мы решили заняться сексом никто особо не знал, как им

заниматься, нет процесс был понятен, но всё остальное, как начать, как подойти... В общем она только разделась, и вернулись её родители. Нам было по 15 лет.

Я Бабуину не рассказывал. С тех пор ни слова не сказал о том случае, думал, он перестанет со мной дружить. Так я пёкса о нашей дружбе.

Глава третья

Зачем-то я послушался Мирона, и мы возвратились к Бабуину домой.

Возможно моя реакция на «винт» была бы иной, не такой истеричной, если бы я не был знаком с Вадиком-барменом и не наслушался от него историй про эту гадость. Если бы я ни разу не видел людей, покорёженных и разбитых наркотиками.

Я серьёзно боялся.

Мы с Мироним убили бутылку вискаря в пару глотков. Он бросил бутылку куда-то в чёрные кусты между гаражами и мы направились к дому Бабуина, пошатываясь. Шуршал паке- том ветерок, изредка с неба падали холодные большие капли. Небо весело гораздо выше, чем обычно, очень высоко. Оно было двухлойное, внизу густое мутное желе, в котором плавали крохотные тучки, я их прекрасно видел, – сгустки темноты с чёрными венами и прожилками, а сверху беспросветная тьма, монолитная, тяжёлая, как гигантская бетонная плита, которой накрыли планету.

Дверь была слегка приоткрыта, мурлыкала музыка. Мирон вошёл первым, широко открыв дверь, попутно продолжая меня о чём-то спрашивать. Я попеременно отвечал то «ага», то «ну да». Он начинал ни с того ни сего громко смеяться, а может повод был, шутку какую- то рассказал, а я пропустил мимо ушей.

Мы шумно ввалились в прихожую. На полу куча обуви, Аллкины красные туфли, гигант- ские ботинки Пенька, лежали вверх брюхом, как мультяшные зверьки. Пенёк всегда стряхи- вал обувь со своих ножищ, иногда у него уходило на это уйма времени. Мы разулись, швыр- нули свою обувь рядом с остальной, когда обувь подружится, всё обувное стадо будет бегать по квартире, а утром, каждый из нас найдёт свою обувь где угодно, только не в прихожей.

Пахло духами, потом, алкоголем и чем-то жареным. Дверь в комнату Бабуина нарас- пашку, там пусто, но телевизор работал.

Мирон повесил пальто на вешалку под лосинным рогом, а я остался в куртке, – мне отчего-то было прохладно.

Из гостиной, дверь в которую тоже приоткрыта, выбежал Зомби, бегал он тяжело, громко, как хряк. Мирон взял его на руки, погладил, – он безумно любил животных.

– Тяжёлый... – заметил Вова, – разжирел!

Коту надоело, он спрыгнул с грохотом на пол, – как бомба упала. Мирон направился на кухню, взяв пакет.

Я помедлил, раздумывал. Нахера мне было туда входить, чтобы снова глядеть на эту счастливую обезьянью морду?

Однако счастья на лице бабуина поубавилось. Он сидел на стуле у окна, в шортах, дымил в форточку.

Аллка у плиты, косолапая в колготках телесного цвета, нацепив передник, ковырялась в сковородке, – яичницу жарила. Всё шкварчало, шипело, брызгалось.

В переднике Аллка очень даже ничего, симпатичная, милая. Косметику с неё смыть, переодеть и не такая она и пропащая. И шлюху можно переделать.

Пенёк стоял у стола, заваленного яичной скорлупой, рылся в телефоне, как всегда суту- лился.

– Проголодались? – спросил Мирон.

– Ой, Вовка! – весело произнесла Аллка, заулыбалась, начала что-то рисовать деревянной лопаткой в воздухе.

Мирон бросил пакет на пол, поздоровался с Пеньком, у того глаза задумчивые, мысли в телефоне. Аллку поцеловал в розовую щёку, она легонько коснулась его плеча. Я поцело- вал её следующим, но мой поцелуй, разумеется, не произвёл такого эффекта. Аллка всегда

по Миرونу сохла. Она частенько пыталась его затащить в постель, но всегда оставалась ни с чем. Все кто пытался трахнуть её саму и даже те, которые трахали, – её не интересовали, во всяком случае, долго, а вот Мирон совсем другое дело.

Бабуин не улыбался и на меня не смотрел. Докуривал сигарету у окна, на голой его спине красноватый едва заметный след от Мироновской ладони.

Музыкальный центр выдавал какие-то звуки, попса, к тому же русская.

– А ты куда ходил, Даня? – спросила Аллка, перемешивая жёлто-белую комковатую жижу в сковородке. – Пенёк, соли дай!

– Аа!? – не сразу откликнулся Пенёк.

– Соли дай! Ааа! Выброси свой дурацкий телефон! – Она отвернулась от плиты. – Скучно как-то, вы чего молчите?

– Я курю, – оправдался Мирон.

Аллка долго смотрела на Бабуина, затем на меня.

– Музыку смените, – сказал я.

Бабуин кивнул.

– Да, Аллка, ты херню какую-то включила.

– Русская попса – это пиздец, – поддержал Мирон.

– А западная не лучше, – Бабуин переключал станции. – Для попсы главное обложка, а не содержание.

– Сейчас для всего главное обложка, а не содержание, – откликнулся вдруг Пенёк, – такой сейчас мир. Люди тоже за внешностью гонятся, а не за содержанием. Бабы жопы качают, больше, чем мозги...

– Ладно вам, зато весело, не нагружает.

– Музыка должна нагружать.

– Да иди ты, на свадьбе у себя тоже груз слушать будешь?

– Нее, – улыбнулся Мирон, – У меня на свадьбе «Gans n Roses» играть будут.

Аллке сразу стало невесело, как о свадьбе Мирона услышала. Она готова была с ним под венец, в любую минуту, даже ежели на свадьбе звучал бы какой-нибудь Кинг Даймонд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.